

— Cartier, рекламная афиша, 1928

— Van Cleef & Arpels, кольцо, конец 1920-х

— Рисунок головы царицы Хатшепсут, XIX век, Музей Виктории и Альберта, Лондон

— Cartier, подвеска, 1929

— Египтолог Говард Картер и лорд Карнарвон, финансирующий раскопки, у саркофага Тутанхамона, 4 ноября 1922 года

— Cartier, портсигар, 1926

В этом порыве барокко и классицизма к берегам священным Нила было два дополнявших бесстрастный академический интерес резона, и они страшно разные. Во-первых, геополитика. Египет был не загадочной и недостижимой страной антиподов, а территорией, насчет которой европейские державы строили вполне прагматические колонизаторские планы. Еще Лейбниц (вдохновившись, надо думать, тем же «Египетским Эдипом» Кирхера) составил для Людовика XIV проект завоевания Египта, которое должно-де было стать залогом процветания французской монархии. Во-вторых, масонство. В XVIII столетии вольные каменщики были не то чтобы как-то демонически влиятельны, но социально активны и вездесущи уж точно, и к этой активности органично примешивалась интеллектуальная жадность — хотя бы ради того, чтобы с пропагандистскими целями удлинить генеалогию братства. А Египет с его пресловутыми премудростями, которые толком и не разберешь, но которые тем не менее очень многозначительны, годился для этих целей просто идеально. Интерьеры лож, ритуальные предметы, граммоты — все это сплошь и рядом оформлялось в древнеегипетском духе, и эта декоративность могла даже становиться рекламным инструментом для приманивания великосветской публики во все умножающиеся тайные общества. Как и намеки на эксклюзивное родство с египетской традицией: скажем, граф Калиостро, самый известный пропагандист «египетского» масонства, рассказывал адептам, что посвящение получил в древнем Мемфисе от таинственного мага-отшельника. То, о чем задумывались Бурбоны, попробовал совершить генерал Бонапарт, убедивший Директорию, что завоевание Египта поможет сокрушить могущество Англии. И хотя военно-политические итоги этой масштабной авантюры вышли весьма скромными, прорыв в представлениях Европы о Древнем Египте получился неизмеримо грандиозным, вполне под стать эпох великих революций и великих войн. Не смущаясь расходами, Бонапарт взял с собой сотни «штатских», капризных и не приученных к походным тяготам: это были географы, натуралисты, геодезисты, химики, инженеры, но также художники и знатоки древностей. Согласно правдоподобному анекдоту, когда во время длинных переходов французской армии по пусты-

не на горизонте показывалась мамлюкская конница и войску приходилось спешно выстраиваться в каре, раздавалась привычная команда беречь самое ценное: «Ослов и ученых в центр!» Годы спустя, под эгидой уже не генерала Бонапарта, но императора Наполеона, собранный тогда материал станет основой «Описания Египта» — 24-томного труда, иллюстрированного с почти немислимой по меркам тогдашней книжной индустрии роскошью. Мириады храмов, гробниц, рельефов и скульптур впервые в истории человечества стали представимы не только для отчаянных одиночек путешественников, но и для домоседов. А случайно найденный наполеоновским солдатом Розеттский камень — стела начала II века до Рождества Христова, где один и тот же малозначимый официозный текст излагался трижды, два раза на древнеегипетском (иероглифами и знаками демотического письма) и один раз на древнегреческом, — помог затем совершить совсем уж коперниканский переворот в мировой науке Жан-Франсуа Шампольону, расшифровавшему иероглифическую письменность. В Египет потянулись археологи, а в европейские столицы потянулись обозы с древними памятниками, оседавшими в музеях. Научные сенсации не прошли мимо мастеров европейского ампира. Связки папируса и «лотосовые» капители, сфинксы и головы богини Хатор, мужские фигуры в набедренниках и головных платках, обелиски и пирамиды — все это в первой трети XIX века активно теснит греко-римскую тематику в модных интерьерах и в модных изделиях декоративно-прикладного искусства. Даже Россия, у которой в Египте, ну казалось бы, не было совсем никаких интересов, не остается в стороне. В Петербурге появляются Египетский мост и сфинксы перед Академией художеств, богатые бары делают в своих домах «египетские залы» — что уж говорить о более кабинетных материях вроде мебели, каминных часов или фарфора, где египтомания бурно развивается тоже с подачи Наполеона, подарившего Александру I огромный северский сервиз с декорацией по мотивам упомянутого «Описания Египта». И все равно, несмотря на все открытия, в этом массовом восприятии Египта преобладала перекличка с тем самым древним ассоциативным рядом — Египет—пирамиды—жрецы—мумии—вечность. Ампирный интерес к